Л. П. КРЫСИН

■

Москва

О ПРИЧИНАХ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

С давних пор языковедов интересует вопрос о том, почему слова одного языка могут использоваться в других языковых системах, вопрос о причинах «перехода» слов из одного языка в другой. Освещение этой проблемы мы найдем в многочисленных общетеоретических и конкретных исследованиях, посвященных заимствованию.

Обычно считается, что лексическое заимствование обусловлено целым комплексом причин, в котором переплетены причины языковые, психологические, социальные, логические и т. п. Если рассматривать их с точки зрения обусловленности языковых изменений внутренними закономерностями развития языка и различными внешними факторами, то все эти причины могут быть разделены на внешние, неязыковые и внутренние, собственно языковые.

К неязыковым причинам заимствования слов одного языка другим следует отнести наличие более или менее тесных экономико-промышленных, политических и культурных связей между народами — носителями языков.

Известно, что лексика представляет собой область языка, в наибольшей степени «открытую» для всякого рода внешних влияний, область, в которой находят отражение все изменения, происходящие в социальной жизни общества. Естественно, что и интенсификация или, напротив, ослабление связей данного народа с другими народами определенным образом отражается на процессе лексического заимствования. Правда, следует иметь в виду, что, несмотря на общепринятость положения о непосредственном воздействии социальных факторов на словарь языка, воздействие социально-политических и прочих контактов на заимствование лексики осуществляется не прямолинейно, а подчас довольно сложными путями.

Другими словами, интенсификация политических, экономических и т. п. связей может и не сопровождаться активизацией процесса заимствования слов, а ослабление указанных связей не сразу и не обязательно ведет к затуханию этого процесса. Так, при хорошо налаженных культурно-экономических контактах может и не быть интенсивного перемещения лексики из одного языка в другой. Например, взаимоотношения современного русского и славянских языков характеризуются «однонаправленностью» процесса заимствования: из русского в славянские языки и в значительно меньшей степени — в противоположном направлении.

С другой стороны, интенсивное заимствование возможно при сравнительно более слабых экономических, промышленных, культурных и т. п. связях, но при активном влиянии других факторов: политическая роль страны и языка, постоянное обновление лексических средств путем образования слов, называющих новые, актуальные в тех или иных отношениях явления и т. п. Ср. в этой связи распространение «американизмов», которые находятся по существу на положении интернациональной лексики, поскольку они употребляются во многих языках, хотя и ощущаются в них иногда как нечто чужеродное (*битник, комикс* и т. п.).

Конкретизируя проблему влияния внешних социально-экономических, политических и т. п. связей общества на процесс лексического заимствования, мы можем сказать, что наиболее типичной формой такого влияния является заимствование наименования вместе с заимствованием вещи, явления, понятия. Лексика, заимствованная таким образом, составляет в каждом языке значительную группу слов. Однако указанное влияние может проявляться и в том, что в язык начинают проникать слова — параллели к уже имеющимся наименованиям. В этом случае устранение дублетности идет путем семантической и стилистической дифференциации синонимических пар. Ср. в этом отношении слова: *удобство — комфорт, обслуживание — сервис, слуга — портье, ограничивать — лимитировать, существенный — релевантный* и т. п.

При этого рода заимствовании причины нужно искать, по-видимому, не только вне языка, т. е. во влиянии культурных, промышленных и т. п. контактов на процесс заимствования, но и в самом воспринимающем языке. Заимствованное слово обычно легче укрепляется в языке, если

---

[1] «...заимствование языковое имеет ближайшей причиной заимствование культурное» (см.: С. Булич, Заимствованные слова и их значение для развития лексики, РФВ, Варшава, 1886, т. XV).

[2] «...словарное заимствование ...далеко не всегда является результатом обмена предметами и понятиями («вещами»). В значительной степени словарное заимствование есть проявление, в условиях межъязыковых сношений, на инородном языковом материале отношений и тенденций, проявляющихся также на собственном материале этого языка...» (см.: Л. П. Якубинский, Несколько замечаний о словарном заимствовании, «Язык и литература», т. I, вып. 1—2, стр. 1).

в лексической системе последнего есть своего рода предпосылки к заимствованию. Что это значит?

Заимствование иноязычного слова может происходить вследствие тенденции к устранению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой структуры. Кроме того, часто причиной заимствования служит потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие [3], разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам (ср.: *тотальный* — при русском *всеобщий*). Таким образом, уже существующее в языке слово и вновь заимствуемое как бы делят сферы своего семантического влияния, причем эти сферы могут в большей или меньшей степени пересекаться, но никогда не совпадают полностью.

Существенным фактором, стимулирующим или во всяком случае облегчающим заимствование, является действие в заимствующем языке тенденции к образованию структурно аналогичных слов или наличие класса слов, структурно однотипных с воспринимаемыми лексическими единицами. Так, например, в XX в. русский язык заимствовал из французского, немецкого и нек. др. языков слова-усечения типа *кино, авто, такси, метро*. Освоение этих слов облегчалось тем обстоятельством, что в самой системе русского языка этого времени сильна тенденция к усечению слов и словосочетаний, в результате чего возникают слова, сходные с заимствованными по своей структуре. Ср., например, такие слова, как *национал, универсал, интеллектуал* и т. п., образованные в русском языке путем усечения соответствующих иноязычных прилагательных, и *оригинал, потенциал* и нек. др., по-видимому, заимствованные из других языков (ср. франц. original, нем. Potential).

В ряде случаев бывает даже трудно решить, что́ перед нами — заимствованное слово или новообразование, получённое путем усечения слова или стяжения словосочетаний: ср. такие слова, как *интим, гуманитар* (*Ведущий, «гуманитар» по образованию, то и дело жонглирует именами: Бетховен, Толстой, Ван-Гог...*, «Молодая гвардия», 1964, № 11, стр. 303; ср. франц. humanitaire); *артезиан* (*Женщины ушли и стали водить лошадей по улицам. Потом сводили к артезиану на водопой*, С. Третьяков, Бабий бунт, «Правда», 14/V 1930; ср. франц. artesien) и т. п.

Рассматривая причины и предпосылки, которые способствуют проникновению иностранного слова в язык, интересно отметить следующую закономерность: если в языке утверждаются заимствования, которые можно объединить в некоторый лексический ряд, основываясь на их общем значении и повторяемости какого-либо одного структурного элемента, то заимствование или по крайней мере употребление нового иноязычного слова, однотипного со словами этого ряда, значительно облегчается (ср. историю группы слов на *-мен* типа *джентльмен, полисмен, спортсмен, рекордсмен* и т. п., в которую приток новых слов по мере пополнения лексического ряда все усиливался: *бизнесмен, конгрессмен, бармен, клубмен* и даже *супермен*, хотя структура и значение последнего несколько отличаются от структуры и значения остальных слов этого ряда [4]).

---

[3] См.: Л. М. Рыбакова, Романские заимствования в лексико-семантической системе немецкого языка, «Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XXVIII, ч. 2», 1963, стр. 220.

[4] Ср. также употребление окказиональных слов с элементом *-мен*: «Давно уже известно, что группировка «ультра», известная под названием «минитменов», имеет в своем распоряжении значительные запасы оружия и регулярно проводит боевые учения» «англ. minute-man — букв. «человек, всегда готовый к действию»), «Известия», 12/XI 1964; «Впрочем, шумному поведению этих господ — их называют трэйдсменами — легко найти оправдание...» (англ. tradesman — торговец, лавочник), «Литературная газета», 12/XI 1964.

К языковым причинам заимствования следует отнести также тенденцию к соответствию нерасчлененности обозначаемого понятия с нерасчленностью обозначающего. Другими словами, если обозначаемое представляет собою единое целое («одну вещь», «один предмет», «одно явление» и т. д.), то язык стремится назвать его одним словом, а не словосочетанием, или же заменить описательное (двучленное) наименование наименованием одночленным. «...в лексике каждого языка, — пишет А. В. Исаченко[5], — постоянно протекают процессы, обусловленные необходимостью устранить внутренние противоречия между расчлененностью формы и единством, монолитностью обозначаемого предмета мысли... утрата формальной и семантической расчлененности наименования является одним из законов развития лексики вообще».

Заимствование — один из путей замены двучленного наименования одночленным; поэтому, вероятно, можно утверждать, что иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту, если оба они служат наименованиями нерасчлененного понятия. Ср.: *снайпер* — вместо «меткий стрелок», *турне* — вместо «путешествие по круговому маршруту», *мотель* — вместо «гостиница для автотуристов», *спринт* — вместо «бег на короткие дистанции» и т. п.

Следует, однако, заметить, что тенденция к замене исконного словосочетания иноязычным словом не имеет силы закона. Некоторые факты языка указывают на то, что в ряде случаев описательный оборот сохраняется в употреблении как регулярное наименование того или иного предмета или явления, несмотря на возможность замещения его иноязычным словом того же значения. Так, термин *тонфильм,* появившийся в русском языке с изобретением звукового кино, не был воспринят, а вместо него стали употребляться словосочетания *звуковое кино, звуковой фильм,* в которых яснее (для носителя русского языка), нежели в иноязычном синониме, проявлялась смысловая противопоставленность словосочетаниям *немой фильм, немое кино.* (В дальнейшем необходимость в постоянном разграничении этих двух видов кино перестала быть актуальной, поскольку звуковое кино стало преобладающей формой киноискусства.)

Этот пример показывает, что системные отношения между элементами языка могут оказаться сильнее внешнего, «разрушающего» их влияния (в данном случае — заимствования). Учет их, естественно, необходим при анализе заимствованной лексики и ее отношений со словами заимствующего языка.

Замещение исконного описательного оборота иноязычным словом иногда связывают с так называемым принципом экономии. Наличие и действие этого принципа в языке, как известно, показано в работах Е. Д. Поливанова (главным образом — в фонетических изменениях)[6], А. Мартинэ[7] и др. Однако механизм действия этого принципа в таких областях языка, как морфология, синтаксис, лексика, далеко не выяснен; дискутируется также сам характер этого принципа: закон ли это языкового развития или одна из его тенденций, проявляющихся неравномерно на разных ярусах языковой системы?[8]

---

[5] См.: А. В. Исаченко, К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков, Slavia, 1958, S. 3, стр. 339 и след.

[6] См. его работы: «Где лежат причины языковой эволюции?» — в кн.: Е. Д. Поливанов, За марксистское языкознание, М., 1931; «Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса», «Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН», т. III, М., 1928, и др.

[7] А. Мартинэ, Принцип экономии в фонетических изменениях. Перевод с франц., М., 1960; его же, Основы общей лингвистики, «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.

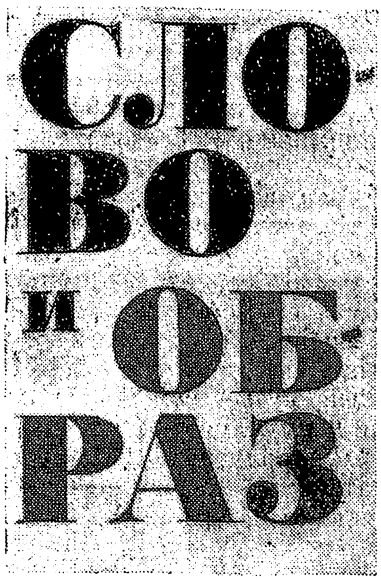
[8] Ср. оживленную дискуссию о принципе экономии на всесоюзной конференции «Актуальные проблемы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», проходившей в Самаркандском университете в сентябре 1964 г. (см. материалы конференции).

Заимствование слова, замещающего исконный описательный оборот, как будто можно рассматривать как проявление действия принципа экономии выразительных средств. Однако любопытно, что чем менее знакомо слово носителям языка, тем с большей затратой средств связано его употребление. Так, при вводе в употребление какого-либо нового иноязычного слова (которое может стать, а может и не стать заимствованным) вместо исконного описательного оборота наблюдается явная «избыточность», неэкономность лексического материала, поскольку «чужое», непонятное читателю или слушателю, поясняется через «свое». Например:

Что такое концессия? Слово это иностранное, происходящее от глагола «уступаю». Предоставить концессию одному лицу или группе лиц — учреждению — значит уступить им право на использование (эксплуатацию) тех или иных природных богатств страны («Гудок», 3/XII 1920); Проблема денацификации, т. е. выкорчевывания корней нацизма, удаления фашистов с административных постов — главная проблема и для самих немцев, и для союзных оккупационных властей («Известия», 12/IV 1946); Потом на площадку ринга выпрыгнул весь в белом рефери (судья) («Крокодил», 1948, № 17).

Даже и в тех случаях, когда слово начинает регулярно употребляться в языке, вытесняя соответствующий описательный оборот, такие пояснения также могут иметь место — это зависит от стиля, жанра речи, от ситуации и т. п.

Таким образом, если говорить о заимствовании иноязычного слова, которое замещает исконный описательный оборот, как о проявлении принципа экономии, то нужно иметь в виду, что действие этого принципа, особенно в таких областях, как лексика, весьма сложно и относительно.



В издательстве «Просвещение» выпущена книга «Слово и образ», представляющая собой сборник статей, которые знакомят читателя с работой, ведущейся в области изучения художественной речи. В основу всех статей, составляющих книгу, положена мысль о нерасторжимом единстве слова и образа или — шире — формы и содержания. В сборник вошли следующие статьи: В. В. Кожинов, Слово как форма образа; Д. Н. Шмелев, Лексика; А. В. Чичерин, Заметки о стилистической роли грамматических форм; В. В. Кожевникова, Словесная инструментовка; В. Е. Хопшевников, Типы интонации русского классического стиха; В. Ю. Троицкий, Стилизация; И. Б. Роднянская, Слово и «музыка» в лирическом стихотворении; В. Г. Ветвицкий, Слово во времени; В. В. Кожинов, Теория художественной речи в современном литературоведении Запада; Л. И. Тимофеев, Число и чувство меры в изучении поэтики. Составитель — В. В. Кожевникова. Сборник выпущен тиражом в 33 тыс. экз.